А.В. КОСТРОВ

ОТНОШЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ЕЁ СТАНОВЛЕНИЯ (В 20-Е ГОДЫ XX В.)

Процесс становления и утверждения советского государства вёл к серьёзным изменениям в социально-экономической и культурной сферах общества. Старообрядцы разных регионов втягивались в процессы форсированной этатистской модернизации вне зависимости от своего желания. Старообрядческие общины Сибири также не остались в стороне от набирающих силу процессов строительства нового общества, его политики, экономики и культуры. В силу сложившейся традиционной системы взглядов важнейшим вопросом для старообрядцев, как и раньше, стала проблема отношений с властью и подчиняющимся ей обществом.

В дореволюционное время среди сибирских старообрядцев «за царя» молились только представители белокриницкого согласия (и разумеется, – единоверцы). Представители других согласий считали имперскую власть и её представителей на местах «антихристовыми». В силу этого практически любые контакты с этой властью считались грехом. А для неизбежных контактов была выработана своя система епитимий, которые должны были через раскаяние, молитву, поклоны и т.д. очистить «опоганившегося» от скверны «антихристовых слуг».

После свержения старой власти перед старообрядцами с новой силой встал вопрос: как относиться к новым властям и, соответственно, как выстраивать своё жизненное поведение? Ответ на эти вопросы могло дать только уяснение природы новой власти, которая в рамках старообрядческого мировоззрения могла быть либо «божья», либо «антихристова», либо «предтеч антихристовых». Для решения этих важных и сложных вопросов ста-

Костров Александр Валерьевич – к.и.н., кафедра современной отечественной истории Иркутского государственного университета, г. Иркутск

рообрядцы разных регионов в послереволюционное время стали созывать соборы.

Достаточно активное соборное движение старообрядцев в первые годы советской власти отмечалось на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Характерно, что поначалу решения, принятые на соборах разных согласий и разных регионов, могли принципиально отличаться. Во многом это зависело от доктрины того или иного согласия, мере участия его последователей в жизни общества, а также в характере отношений, сложившихся с советской властью в первые годы её становления. Так, на соборе старообрядцев-часовенных, который проходил в мае 1923 г. в Бийском уезде, первой проблемой, вынесенной на обсуждение, был вопрос «о познании времени». После его обсуждения новая власть, рассматриваемая в контексте отрицания ею власти предшествующей, была охарактеризована как «освободительница». В частности, в постановлениях собора было записано: «... Антихрист Пётр I взял на себя царскую и святительскую власть... а в 1917 г. явилась власть и низвергнула зверя Антихриста» (1). Вместе с тем, смена власти характеризовалась как «знамение последнего времени» (2). Этим постановлениям вторили решения соборов часовенных Урала, которые гласили: «Антихрист ещё не пришел, но будет» (3). А раз утверждалось, что «последние времена еще впереди», то из этого выводилось, что «новым властям следует подчиняться» (4). Поэтому административные органы Урала в 20-е годы чаще всего «характеризовали старообрядцев как лояльных советской власти» (5).

Выразил свою лояльность советской власти и собор последователей Белокриницкой иерархии, проходивший в июне 1924 г. в Новониколаевске. В решениях этого собора, в частности, было записано: «имея в наличии свободу веры и проповеди, сознавая на себе ответственность христианина и гражданина», старообрядцы «должны лояльно относиться к существующей власти советов». Более того, последователям этого согласия предписывалось «поддерживать и проводить в жизнь» мероприятия властей, ведущие «к улучшению жизни страны, к укреплению промышленности и поднятию сельского хозяйства» (6). Таким образом, либерально настроенная часть старообрядчества, прежде всего представители белокриницкого согласия и часовенные промыш-

ленных центров, приняли советскую власть достаточно лояльно. Относительно лояльно отнеслись к ней и представители разных согласий старообрядчества Байкальской Сибири, в том числе сельские старообрядцы, активно участвовавшие в антиколчаковском и антисемёновском партизанском движении.

Вместе с тем, далеко не все старообрядцы восприняли новую власть таким образом. Например, представители того же часовенного согласия, жившие в скитах Западной Сибири, «говорили о пришествии Антихриста, подразумевая установление советской власти» (7). В связи с этим на своих соборах они решили, что «наступают последние времена» (8). Поэтому всем «правоверным» предписывалось уходить от новой власти в глухие недоступные места. Характерно, что и в Европейской России мнения старообрядцев поначалу разделились. И когда одна часть высказывала своё лояльное или, по крайней мере, спокойное отношение к новой власти, другая часть её отрицала. Например, в Вятской губ. в 1924 г. старообрядцы были «в корне не согласны с политикой советской власти, программой РКП(б)» (9). Кроме прочего, подобное негативное отношение к новой власти уже в 1918–1921 гг. в ряде регионов было вызвано политикой «военного коммунизма». В то же время в Байкальской Сибири ещё шла Гражданская война. Поэтому на момент её завершения местные старообрядцы видели от советской власти больше добра (освобождение от «семёновщины» и интервентов, решение земельных вопросов и т.д.), чем неприятностей. И тем не менее, в процессе утверждения новой власти и развития её политики (в том числе антирелигиозной), отношение к большевикам начинает портиться и среди лояльно настроенных старообрядцев.

Уже с середины 20-х годов крестьяне Западной Сибири «всё чаще и чаще стали обращаться в скиты с вопросами об отношении к власти» (10). В распространявшейся по Сибири и Дальнему Востоку рукописи «О неповиновении новой власти», в частности, писалось: «... много есть уложено новою властью таковые постановления, которые нам, христианам, выполнять никак не возможно» (11). Прежде всего новой власти вменялось в вину отрицание Бога, а значит – «склонение ко диаволу». В такой ситуации «христианам, боящимся Бога, оказалось лучше со зверми в лесах жити и всякую нужду переносити», чем «в городах или в

красных сёлах при власти жити, Бога же отступити» (12). В другом произведении сибирских староверов время нового строительства характеризовалось следующим образом: «Хулу на древность износящих считают за великих мудрецов, Почитают уважают паче чем святых отцов». И в то же время: «Устав древний содержащих всех считают за глупцов. Их теснят и изгоняют из домов и городов» (13). В связи со складывающейся ситуацией часовенные Дальнего Востока решили, «что дожили до последних времен», а поэтому предписали последователям своего согласия «блюстися предтеч Антихристовых» (14). Подобные процессы происходили в среде старообрядцев Байкальского региона. Здесь местные старообрядцы, в том числе старообрядцы-семейские, поначалу принявшие новую власть достаточно лояльно, со временем стали менять своё отношение к ней.

В секретном отчёте уполномоченного по Надеинской волости Верхнеудинского уезда за 1925 г. говорилось, что несмотря на то, что «влияние революционных тенденций оказало воздействие» на местных старообрядцев (в первую очередь – на бедноту), «зажиточные крестьяне являются столпом и хранителями церковных преданий, выразителями общественного мнения» (15). А общественное мнение, судя по оперразведсводкам ОГПУ, а также по свидетельствам исследователей, побывавших в те годы в старообрядческих сёлах, было не в пользу властей. Как отмечала А.М. Попова, часто бывавшая в семейских сёлах с 1924 по 1927 гг., «о коммунистах как о слугах антихриста мнение довольно дружное». При этом и к советской власти «семейские относятся не особенно доброжелательно». А во многих сёлах «некоторые слои населения даже враждебно» (16). Естественным образом к этим «некоторым слоям» прежде всего относились уставщики и состоятельные члены общин. Так, в 1926 г. в донесениях ОГПУ отмечалось, что «со стороны старообрядческого духовенства имеются также проявления агитации среди населения с целью восстановления последнего против советской власти» (17). В частности, проживающий в с. Надеино уставщик Филипп Антонов говорил: «миряне, не нужно придерживаться нового закона и работать по праздникам, ибо сошлет Бог град и сгубит все ваши посевы». И добавлял, что «не нужно идти по стопам коммунизма», а надо «держаться всецело старого закона» (18).

В с. Новая Брянь Верхнеудинского уезда уставщики говорили, что «скоро будет война», а зажиточный старовер Анфиноген Заиграев добавлял, что в связи с этим «коммунистам скоро будет крышка» (19). Примерно в таком же ключе высказывался председатель Куйтунского сельсовета (того же уезда) старообрядец-середняк Васильев. Он говорил своим односельчанам, что «скоро будет война и соввласть уничтожат» (20). Старовер из с. Старая Брянь середняк Иван Болонянский во время подготовки к празднованию девятой годовщины Октябрьской революции говорил местным ветеранам партизанского движения и представителям сельсовета: «праздновать вам осталось только один этот год, потом уже не придётся – так сказано в священном писании» (21). А зажиточный старообрядец из с. Новая Брянь Семён Шитин говорил, что «весной 1927 г. сбудется священное писание», имея в виду свержение советской власти (22). То есть на фоне разворачивающегося советского строительства, многие тенденции которого в корне противоречили старообрядческой доктрине, в мировоззрении староверов усиливались эсхатологические переживания. В связи с этим обострённо стали восприниматься тезисы о «божьем» и «антихристовом» пространствах. Как следствие – в среде ортодоксально настроенных старообрядцев росло стремление к ограничению контактов с представителями власти, которые всё чаще стали восприниматься как носители «антихристова царства». Коммунисты чаще всего стали обозначаться как «слуги антихриста», «дьявольские сосуды» и т.д. (23). Головной убор красноармейцев стал ассоциироваться с «ликом звериным», а из пятиконечной звезды выводилось «дьявольское число» 666 (24). Многие уставщики признали В.И. Ленина «Антихристом». Однако, как указывала А.М. Попова, мнения о Ленине, в частности в среде старообрядцев-семейских, разделились. Когда одни стали считать его «Антихристом», другие говорили о том, «что Владимир Ильич перед смертью покаился, отступился от ,,коммунии“, позвал попа, причастился, и его похоронили с архиереями» (25). Видимо, кроме прочего тут сыграл свою роль традиционный «наивный монархизм», в новых условиях переходящий в «наивный вождизм». И всё же многие старообрядцы в условиях стеснения новой властью говорили: «разве могли бы свергнуть царя, если бы Бог не попустил за наши гре-

хи». А в Никольской волости Верхнеудинского уезда, где, по сведениям ОГПУ, в 1927 г. «старообрядческие начётчики взяли под полное влияние массы верующих», велась активная антисоветская агитация. В частности, 86-ти летний начётчик Никифор Ефремович Киреев говорил, что «народился в настоящее время Антихрист и царствует, богохульство полнейшее, строят антихристовы учреждения, клубы, избы-читальни, школы и проч.» Он же добавлял: «зачем всё это, разве нам крещёным это нужно, нам нужно Богу молиться» (26).

Показательная ситуация сложилась в с. Никольском. Секретарь местной партячейки жаловался, что «в настоящее время начётчики ходят по домам» и агитируют против коммунистов. А 30 августа 1928 г. «явилось два начётчика к моему отцу и столько ему наговорили, что отец меня выгнал из дому» (27). Более того, когда у этого коммуниста умерла дочь, то ему «пришлось хоронить её без всяких религиозных обычаев», так как уставщики отказались её отпевать. А во время похорон «масса верующих устроила ,,манифестацию“ за гробом и кричала, что это пропащий покойник». При этом раздавались крики: «идите в веру, молитесь Богу, не ходите никуда, где ходят коммунисты» (28). Таким образом верующий мир устроил показательную акцию, в которой чётко проявились приоритеты его представителей. Но на этом дело не закончилось. Уже после похорон по селу стали распространяться слухи, что верующие собираются выкопать захороненное тело «коммунистического» покойника и «выбросить из кладбища, чтобы не поганил верующих» (29). Дело в том, что старообрядческое мировоззрение делит пространство на «чистое» («божье») и «нечистое» («антихристово»). В силу обострения политической и социально-экономической обстановки, а также из-за разворачивания антирелигиозной борьбы атеистическая власть коммунистов стала восприниматься как «антихристова». Поэтому правоверные старообрядцы старались всячески оградить себя и своё пространство от осквернения представителями «безбожных» властей. Это проявлялось в многократных запрещениях на общение с «кадровыми», и ярче всего в религиозном быту, в частности, в вопросах захоронения умерших. В этом случае пример из с. Никольского показателен. Отцу-коммунисту было отказано не только в отпевании умершего ребёнка, но и в его

захоронении на кладбище, где были похоронены правоверные христиане. Более того, после проведённого, несмотря на протесты верующих, захоронения, стали озвучиваться угрозы удалить тело «нечистого» покойника из «чистого» пространства старообрядческого кладбища. Характерно при этом то, что несмотря на свою принадлежность к партии, отец ребёнка писал, что ему «пришлось» хоронить его без отпевания. То есть и в среде коммунистов той поры сильна ещё была инерция религиозной традиции и сохранялось желание хоронить по традиционным правилам. Однако сообщество верующих в этом отказывало и им приходилось хоронить своих умерших без отпевания.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что советская власть в период её становления сибирскими старообрядцами была воспринята неоднозначно. В то время как одна часть местных старообрядческих сообществ склонялась к мнению об её «антихристовой сути», другая часть хотела видеть в ней «освободительницу» от бремени предшествующих властей. Однако в процессе разворачивания политики нового государства у всё большей части местного старообрядчества стали обостряться эсхатологические воззрения. Это вело к дистанцированию от новых властей ортодоксально настроенных староверов, которые в рамках давно сложившейся традиции составили скрытую оппозицию теперь уже власти большевиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановления Больше-Бацалакского собора 20–22 мая 1922 г. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С.374.
2. Там же.
3. Цит. по: Боровик Ю.В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох: Диссертация кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2003. С.225.
4. Цит. по: Боровик Ю.В. Указ. соч. С.232.
5. Боровик Ю.В. Указ. соч. С.240.
6. Цит. по: Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. С.68.
7. Боровик Ю.В. Указ. соч. С.236.
8. Там же. С.233.

9. Сахарова Л.Г. Восприятие вятскими старообрядцами политики советской власти // Материалы конференции «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ, 2007. С.105.

10. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С.242.

11. «О неповиновении новой власти» // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. С.330.

12. Там же. С.331.

13. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф.478. Оп.1. Д.5а. Л.462.

14. Бикинское соборное уложение 28 декабря 1926–2 января 1927 гг. // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. С.376.

15. НАРБ. Ф.207. Оп.1. Д.846. Л.4.

16. Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С.34.

17. НАРБ. Ф.1-П. Оп.1. Т.1. Д.836. Л.180.

18. Там же. Л.209.

19. Там же. Л.145.

20. Там же. Л.117.

21. Там же. Л.32.

22. Там же.

23. Цыремпилова И.С. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1917–1940 гг.: Диссертация кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2000. С.106.

24. Попова А.М. Указ. соч. С.34.

25. Там же.

26. НАРБ. Ф.1-П. Оп.1. Т.1. Д.1296. Л.38.

27. Там же.

28. Там же.

29. Там же.